

**АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)**

Д. А. БЕЗБОРОДОВ

**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ**

Учебное пособие

**Санкт-Петербург
2016**

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Д. А. БЕЗБОРОДОВ

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2016

УДК 343.3/.7 (075)
ББК 67.408я73
БЗ9

Рецензенты

Н. С. АЛЕКСАНДРОВА, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент.

А. Н. БЕРЕСТОВОЙ, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Безбородов, Д. А.

Квалификация преступлений против собственности, совершенных в соучастии : учебное пособие / Д. А. Безбородов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 56 с.

Учебное пособие посвящено вопросам квалификации преступлений против собственности, совершенных в соучастии. На основе изучения судебной следственной практики анализируются проблемы правоприменения норм о соучастии при квалификации общественно опасных посягательств на собственность, а также вопросы конкуренции уголовно-правовых норм в данной сфере.

Пособие предназначено для использования в учебном процессе подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации прокурорских кадров.

УДК 343.3/.7 (075)
ББК 67.408я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт
(филиал) Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2016

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Общественная опасность совместных посяга- тельств на собственность.....	6
2. Квалификация соучастия в преступлениях против собственности, совершаемых в составе группы лиц и группы лиц по предварительному сговору.....	13
3. Квалификация соучастия в преступлениях против собственности, совершаемых в составе организованной группы и преступного сообщества (преступной органи- зации).....	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	53
ЛИТЕРАТУРА.....	54

ВВЕДЕНИЕ

В Конституции Российской Федерации из всех элементов экономической системы выделяется институт собственности (ч. 2 ст. 8). Это связано с тем, что именно отношения собственности составляют фундамент любой экономической системы и во многом обуславливают особенности ее функционирования в конкретном государстве. Право собственности как субъективное право является первым и основным из вещных прав, определяющих отношение человека к вещам и отношения людей по поводу вещей. Именно право собственности занимает особое место в системе конституционных прав граждан, представляя собой один из основных регуляторов экономических отношений в обществе, оно является одновременно и показателем благосостояния граждан. Поэтому регламентацией вопросов, касающихся правового регулирования данного института, так или иначе занимаются многие отрасли отечественного права, в том числе и уголовное право. Так, УК РФ, охраняя право собственности, исходит из того, что право собственности может быть нарушено несколькими группами посягательств. Во-первых, это хищения, к которым традиционно относятся следующие деяния: кража (ст. 158); мошенничество (ст.ст. 159—159.6); присвоение (ст. 160); растрата (ст. 160); грабеж (ст. 161); разбой (ст. 162); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164). Во-вторых, это корыстные преступления против собственности, не являющиеся хищением: вымогательство (ст. 163); причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165); неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным сред-

ством без цели хищения (ст. 166). В-третьих, это некорыстные посягательства на собственность: умышленные уничтожение или повреждение имущества (ст. 167); уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168). Каждая из указанных групп имеет свои особенности квалификации. Они обусловлены тем, что общественные отношения собственности имеют двойное содержание: юридическое и экономическое. Экономическое содержание собственности заключается в том, что она представляет собой систему отношений, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ. Юридическое содержание отношений собственности представляет собой правовое выражение и закрепление общественных отношений по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ в виде установления принадлежности материальных благ конкретным субъектам. В силу указанных обстоятельств при посягательствах на собственность нарушается и экономическое, и юридическое содержание собственности.

Количество преступлений, посягающих на отношения собственности, стабильно велико. При этом можно сделать вывод не только о неуклонном росте количества посягательств на собственность, но и о совершенствовании форм и методов преступной деятельности в данной сфере. Особые сложности вызывает квалификация преступлений против собственности, совершенных в соучастии. Распространенность подобного рода деяний, а также сложности в их уголовно-правовой оценке свидетельствуют о необходимости выработки мер, направленных на правильное применение уголовно-правовых средств.

1. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ СОВМЕСТНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СОБСТВЕННОСТЬ

Соучастие в посягательствах на собственность является фактором, существенным образом влияющим на общественную опасность этих деяний. Говоря об общественной опасности преступлений данного вида, необходимо сделать некоторые замечания. Прежде всего следует уточнить, всегда ли совместное совершение преступления повышает его общественную опасность¹.

Ответ на вопрос о влиянии совместности совершаемого деяния на его общественную опасность требует изучения этого явления с использованием знаний психологии, поскольку именно она призвана объяснять модели любых актов человеческого поведения. Действительно, деяние — понятие не только правовое, но и психологическое². И именно психология, а не какая-либо

¹ Этот вопрос применительно к соучастию в преступлении до сего времени не нашел единого решения, обуславливая появление в теории уголовного права трех основных точек зрения. Так, М. Д. Шаргородский писал, что соучастие не усиливает и не ослабляет ответственность и вообще оно «не является квалифицирующим или отягчающим обстоятельством» (Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение 1960. № 1. С. 85). П. И. Гришаев и Г. А. Кригер, будучи сторонниками тезиса о том, что соучастие повышает общественную опасность совершенного, в качестве аргументов приводили следующие доводы: 1) объединяются усилия нескольких лиц, что придает деятельности новое качество; 2) наносится более серьезный ущерб общественным отношениям, чем в результате действий одного человека; 3) в конфликт с обществом вступает большее количество лиц, чем при совершении преступлений в одиночку; 4) соучастие делает возможным совершение таких преступлений, которые не могут быть совершены в одиночку; 5) увеличивается возможность сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности (Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 3). Подобное мнение можно встретить и у других исследователей (см., напр.: Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве: онтологический аспект. Саратов, 1991. С. 49; Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 29; Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 15 и др.). А. А. Пионтковский считал, что соучастие повышает общественную опасность лишь при «определенных условиях» (Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 547). Практически аналогичной точки зрения придерживались и другие ученые (Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Свердловск, 1960. С. 110; Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 585—586; Ременсон А. Л. Исследование о соучастии // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 117 и др.).

² См., напр.: Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1997. С. 133.

иная наука изучает поведенческие акты человека, разрабатывает теорию действия. Для права фиксация этого факта означает, что без психологии выявление внутренних и внешних особенностей деяния лишается всякого содержания. Правовых деяний как таковых нет. Существует лишь деяние как определенная форма проявления активности человека в социальной действительности. Эта форма может иметь уголовно-правовое значение, а может и не иметь. В первом случае мы называем деяние преступлением, подразумевая при этом его психологическое основание. Поэтому, исследуя вопрос о влиянии совместности поведения на его общественную опасность, необходимо опираться именно на эту основу. Еще в 20—30-е годы XX века особое внимание уделялось изучению эффекта, который возникает в совместной деятельности людей, а также его позитивного и негативного воздействия на личность³, при этом подчеркивалось, что этот эффект, эффект взаимодействия людей — свойство целого, а не простой арифметической суммы отдельных индивидов⁴. В 60-е годы прошлого века было констатировано, что «степень проявления тех или иных свойств человека в значительной степени зависит от того, действует ли он в условиях относительной изоляции от окружающих или в атмосфере прямого контакта с другими людьми. Находясь в большой массе или даже в небольшой группе людей, человек чувствует, воспринимает, переживает и ведет себя несколько иначе, чем наедине с самим собой»⁵.

Изучая механизм совместного совершения преступления в посягательствах на собственность, можно выделить следующие его основные компоненты, позволяющие сделать вывод о повышенной опасности такого рода поведения. Причем основу этих компонент составляет объединение индивидуальных усилий взаимодействующих лиц — участников деяния. К такого рода компонентам могут относиться следующие.

Во-первых, при совместном совершении преступления, как правило, происходит сокращение времени, необходимого на подготовку и совершение общественно опасного деяния. Как верно было отмечено Н. Г. Ивановым, «преступная деятельность сов-

³ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921 ; Бехтерев В. М., Ланге М. В. Влияние коллектива на личность // Педология и воспитание. М., 1928.

⁴ Залужный А. С. Учение о коллективе : Методология : Детский коллектив. М. ; Л., 1930.

⁵ Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1967. С. 134.

местно действующих лиц более опасна, чем деятельность одного субъекта, поскольку преступный результат достигается в первом случае быстрее»⁶. Действительно, вполне очевидна разница, когда похищаемое из квартиры имущество выносится одним лицом или несколькими — безусловно, несколько лиц вынесут его быстрее. Так, Д. решил совершить разбойное нападение на склад, где находились парфюмерные изделия. Для более эффективного и быстрого осуществления задуманного он решил подыскать себе напарника. Зная, что у его знакомой В. есть несовершеннолетний сын, Д. решил привлечь его к совершению преступления, пригрозив последнему в случае отказа физической расправой.

Во-вторых, совместность деяния при совершении преступления увеличивает эффект воздействия на потерпевшего. Повышение общественной опасности происходит в данной ситуации в силу того, что посягательство осуществляется путем непосредственного воздействия на потерпевшего объединенными усилиями нескольких лиц⁷.

Так, Б. С. согласился на предложение Б. совершить убийство водителя такси с целью хищения у него денежных средств. 4 апреля 2014 г. они с Б. распределили свои действия. Согласно договоренности Б. С. с заднего пассажирского сиденья такси задушит водителя проводом, а Б. с переднего пассажирского сиденья нанесет таксисту удары ножом в жизненно важные органы, после чего они похитят деньги и иное имущество. В общежитии техникума, где они учились, Б. С. для убийства взял кухонный нож. Около 23—24 часов у автовокзала они наняли такси и сказали, что нужно ехать до с. <...>. Когда они подъехали к перекрестку на с. <...>, Б. попросил водителя повернуть в сторону другого населенного пункта. Проехав примерно 200 метров, Б. вышел из такси, а когда снова сел на переднее пассажирское сиденье, то Б. С., находясь сзади таксиста, набросил ему на шею провод, а Б. в этот момент нанес водителю несколько ударов ножом в область груди. Когда Б. наносил водителю удар ножом, то у Б. С. порвался провод, и водитель, открыв дверь, попытался выйти. После этого Б. С. встал с заднего сиденья и, взяв у Б. нож, нанес потерпевшему несколько ударов по туловищу. Затем, вытолкнув водителя из автомобиля, он еще несколько раз ударил его ножом в область спины. Когда водитель перестал подавать признаки жизни, они погрузили труп в багажник и на автомобиле под управлением Б. поехали в п. <...>. Когда их автомобиль застрял в проулке, Б. сорвал со стекла автомобиля навигатор, который они хотели сдать в комиссионный магазин, и протер все ручки дверей, руль и ручку коробки передач тряпкой, затем они ушли домой. В последующем они разбили похищенный навигатор⁸.

⁶ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 52.

⁷ См., напр.: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2016 № 11-АПУ15-37.

⁸ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2015 № 45-АПУ15-29.

Стоит отметить, что такого рода совместное посягательство и воспринимается потерпевшим иначе, чем выполняемое единолично, поэтому оно более серьезно ущемляет его способности сохранить в неприкосновенности имеющиеся у него социальные возможности (например, право на необходимую оборону). Именно поэтому участие в данном процессе нескольких лиц всегда, при прочих равных условиях, вызывает возрастание общественной опасности по сравнению с аналогичными посягательствами со стороны одного лица. Вне всякого сомнения, два лица, совершающие разбой, одним присутствием сильнее и быстрее подавят желание у потерпевшего к реализации им права на необходимую оборону⁹.

В-третьих, при совместном совершении посягательств на собственность оказывается влияние на механизм совершения преступления. Данное положение находит свое подтверждение в том, что по сравнению с деянием, совершенным единолично, участие двух и более лиц опасно тем, что создаются условия взаимной функциональной поддержки (распределение ролей в преступлении).

Так, В. и Ж. признаны виновными в совершении покушения на кражу группой лиц по предварительному сговору. В. и Ж., будучи знакомы ранее, имея умысел на тайное хищение чужого имущества, вступили в сговор, распределив между собой роли. В., воспользовавшись тем, что за их преступными действиями никто не наблюдает, с помощью заранее приготовленных предметов, ножа и ножниц-секатора, тайно похитил, срезав с деревьев, 50 метров декоративной электрической гирлянды, а Ж., руководствуясь отведенной ему ролью, убирал похищенные декоративные электрические гирлянды в заранее приготовленную сумку. Однако довести свой преступный умысел до конца они не смогли по не зависящим от них обстоятельствам, поскольку их действия были замечены сотрудниками полиции и они были задержаны¹⁰.

В-четвертых, происходящее в результате совместного посягательства объединение усилий нескольких лиц, как правило, создает условия взаимной психологической поддержки. То что не под силу совершить одному, нескольким сделать гораздо легче психически. Как справедливо было отмечено Л. В. Кондратюком, «несомненно, “вместе” иногда совершается такое, чего мы не

⁹ На это обстоятельство применительно к квалификации убийства обращает внимание А. Н. Попов (Попов А. Н. Убийство, совершенное преступной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. С. 19).

¹⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.03.2016 по делу № 10-2808/2016 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2016).

стали бы делать в одиночку»¹¹. Практически аналогичное высказывание содержится применительно к несовершеннолетним и у А. Е. Тараса¹². Результаты опросов лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и несовершеннолетних дают основание полагать, что не менее чем четверть из них, совершая преступление в группе, не смогли бы совершить его в одиночку¹³. Такое происходит обычно тогда, когда группа выполняет роль своеобразного изолятора от внешнего контроля, когда каждый находится вроде бы в поле зрения каждого, но при этом полагает, что все вместе они вне контроля. Особенно это характерно именно для поведения несовершеннолетних и малолетних. В качестве примера можно привести исследования психологов, наблюдавших за действиями 1 352 детей. Группу детей приглашают в дом, предлагают взять по одной шоколадке, исследователи при этом выходят. Как отмечает Д. Майерс, «скрытые наблюдатели установили, что дети в группе были в два с лишним раза склонны схватить еще одну шоколадку, чем те, кто заходил поодиночке»¹⁴. Влияние на механизм совершения преступления, таким образом, проявляется прежде всего в снижении влияния сдерживающих факторов поведения (самоконтроля), совместные действия возбуждают сами по себе, снижая порог ответственности¹⁵, и в ряде случаев это приводит к возрастанию готовности участников посягательства к последующим повторным фактам совершения преступлений. По оценкам специалистов, для совместного поведения характерен феномен «сдвига риска», который заключается в том, что решение, принятое совместно, как правило, оказывается более рискованным. Это означает, что конкретная ситуация

¹¹ Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрoкриминология). М., 2001. С. 233. Подобный тезис применительно к соучастию в преступлении был выдвинут еще в начале XX века И. В. Платоновым: «Поступки, совершенные совместно несколькими лицами, являются часто гораздо более порочными, чем можно ожидать от каждого из соучастников в отдельности...» (Платонов И. В. Популярные лекции по уголовному праву. СПб., 1901. С. 74).

¹² Тарас А. Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. Минск, 1982. С. 19.

¹³ См., напр.: Правонарушения несовершеннолетних и их предупреждение. Казань, 1983. С. 51 ; Ермаков В. Д., Крюкова Н. И. Несовершеннолетние преступники в России. М., 1999. С. 33.

¹⁴ Майерс Д. Социальная психология / [пер. с англ.: В. Гаврилов и др.]. СПб., 1997. С. 371.

¹⁵ Это вполне характерно и для неосторожных преступлений, когда выполнение надлежащих для недопущения преступного результата действий перекладывается на других лиц, выполняющих смежные или контролирующие функции.

чаще оценивается как благоприятная для совершения преступления, избираются более дерзкие способы совершения преступления.

Так, А. и П. признаны виновными в том, что совершили покушение на кражу группой лиц по предварительному сговору. Во исполнение совместного преступного умысла, находясь в помещении магазина <...> ООО <...>, они согласно разработанному плану взяли со стеллажей принадлежащие указанному обществу несколько футболок, брюк и жакет, подошли к примерочным кабинам, где А., действуя в соответствии со своей ролью, оставшись рядом со входом в примерочную кабину, стал наблюдать за окружающей обстановкой, а П. зашел в примерочную кабину, где отсоединил защитные сигнальные устройства и спрятал взятые им со стеллажей три футболки и двое брюк под одетую на нем одежду и в карманы своей одежды. После того как П. вышел из примерочной кабины и стал наблюдать за окружающей обстановкой, А. также зашел в примерочную кабину, где отсоединил защитные сигнальные устройства и спрятал взятые им со стеллажей три футболки, трое брюк, жакет и рубашку, надев на себя и положив их в заранее приготовленный для совершения преступления пакет. Убедившись, что их действия продолжают носить тайный характер, А. и П., не произведя оплату товара, минуя расчетно-кассовые аппараты, с похищенным имуществом с места совершения преступления попытались скрыться, однако были задержаны сотрудниками полиции¹⁶.

Кроме того, результатом такого поведения может являться причинение более тяжкого физического вреда или материального ущерба по сравнению с преступлением, совершенным единолично.

В-пятых, даже минимальный количественный состав участников преступления — два соучастника:

а) создает определенное «поле» изоляции от внешнего контроля (что характерно прежде всего для организованных форм совершения преступлений);

б) выступает как социальный усилитель и стимулятор индивидуальных установок и мотиваций, и это усиление является латентной функцией группы, поскольку человек идентифицирует себя именно с такой группой, которая бы оправдала его более или менее осознанные ожидания¹⁷.

¹⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 08.02.2016 по делу № 10-1434/16 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 17.04.2016). См. также: Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.02.2016 по делу № 10-1041/16. Там же.

¹⁷ Кондратюк Л. В. Указ. соч. С. 234. См. также: Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов : экспериментально-психологическое исследование. М., 1974. С. 149.

В связи с этим стоит отметить еще одно обстоятельство. Определение границ численности группы имеет немаловажное значение при характеристике совместного совершения преступления. Дело в том, что количественный показатель так или иначе оказывает влияние на процессы и характеристики взаимодействия между участниками совместно совершаемого деяния, которое может проявляться:

а) во влиянии количества участников на механизм совершения преступления;

б) во влиянии количества участников на характер взаимоотношений между участниками, т. е. на степень устойчивости группы¹⁸.

При рассмотрении участия в одном общественно опасном деянии нескольких лиц с социально-психологических позиций необходимо отметить, что оно представляет собой, как правило, малую социальную группу, или микрогруппу, которая характеризуется минимальной количественной границей — два человека¹⁹. Например, специалист по групповой динамике М. Шоу определяет группу как сообщество, состоящее из двух и более взаимодействующих и влияющих друг на друга индивидов²⁰. Поэтому абсолютно обоснованной является позиция законодателя, закрепившего применительно к институту соучастия именно эту нижнюю границу, несмотря на высказанное в литературе иное мнение по данному вопросу²¹. Однако справедливости ради следует указать на одно существенное обстоятельство, связанное с определением общественной опасности деяния, совершенного совместными усилиями нескольких лиц. Некоторые психологические исследо-

¹⁸ Достаточно подробный анализ проблем, связанных с размерами группы, предпринят А. В. Петровским (Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. С. 64—82).

¹⁹ См. подробнее: Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., 1967. С. 68 ; Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 6 ; Прокументов Л. М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск, 2001. С. 44—64 ; Новейший психологический словарь / под общ. ред. В. Б. Шапаря. Ростов-н/Д, 2005. С. 99 и др. Менее определенно высказался по этому поводу Э. Гидденс. По его определению, социальная группа — «это некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе» (Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 266).

²⁰ Майерс Д. Указ. соч. С. 256.

²¹ См., напр.: Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 118 ; Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : учеб. пособие. Уфа, 1995. С. 33.

вания эмпирическим путем показали зависимость податливости групповому давлению от величины группы. С ее увеличением до 3—4 человек вместо 2 податливость увеличивается, однако дальнейшее увеличение размера группы до 10—15 человек влияния не оказывает. Утверждается, в частности, что прибавление третьего лица к паре имеет более существенные последствия, чем увеличение триады до группы, состоящей из 4, 5, 6 и более участников²². Данное обстоятельство представляется важным, поскольку может быть отнесено к одному из показателей устойчивости организованной группы.

Можно констатировать, что рассмотренные выше компоненты, различным образом сочетаясь при совместном совершении преступления, свидетельствуют о повышенной опасности такого деяния практически во всех случаях его проявления. Поэтому и группа как психологическое понятие, реализуясь в совершении конкретного деяния, повышает его общественную опасность.

2. КВАЛИФИКАЦИЯ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТАВЕ ГРУППЫ ЛИЦ И ГРУППЫ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Совместность действий при соучастии в преступлении существенно увеличивает общественную опасность преступного посягательства и превращает его в качественно иное деяние, чем совершаемое одним лицом. При этом, однако, действия каждого из соучастников влияют на преступный результат различным образом. Это связано с тем, что совместное участие двух и более лиц в совершении преступления может проявляться по-разному. О соучастии можно вести речь и в тех случаях, когда существует юридическое разделение ролей и участие в конкретном преступлении проявляется в пособнической, подстрекательской или организаторской деятельности, и тогда, когда соучастники преступления являются его исполнителями (соисполнителями). И все же, несмотря на это обстоятельство, можно говорить о повышенной общественной опасности таких действий, поскольку они создают либо увеличивают реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, находящимся под уголовно-правовой защитой, способствуют росту общественной опасности личности непосредственных исполнителей преступления. Не вызывает со-

²² Петровский А. В. Указ. соч. С. 67.

мнений и то обстоятельство, что совместность совершения преступления может оказывать влияние и на степень общественной опасности деяния, совершаемого непосредственно соисполнителями, о чем свидетельствуют многочисленные эмпирические данные, приводимые исследователями в уголовно-правовых и криминологических исследованиях.

Итак, по своей юридической природе соучастие в преступлении — это самостоятельная форма проявления организованной совместности деяния. Признаки, характерные для совместности в целом, лишь дополняются некоторыми особенностями, которые придают соучастию качественное своеобразие. Причем уровень организованности совместного преступного деяния может быть различным даже в конкретных формах соучастия в преступлении. Между тем определенный уровень организации преступной деятельности является, в том числе, и показателем степени развития самой общности.

Организованность совместного деяния имеет свою специфику анализа в уголовном праве. Ее показателями являются:

- а) структурная дифференциация;
- б) структурная интеграция общности участников.

Структурная дифференциация означает разделение функций между членами группы не просто в осуществлении любой совместной деятельности, а только деятельности, связанной с совершением конкретного преступления (преступлений). Интеграция означает не просто обмен функциями членов группы в осуществлении совместной деятельности, а такой обмен, который связан с совершением конкретного преступления. И именно в такой связи совместность деяния представляет интерес для уголовного права, поскольку необходимо установить роль каждого участника в совершении преступления. Этим обуславливается изучение вопросов, касающихся как дифференциации соучастников и оценки характера их участия в преступлении (организатор, исполнитель, пособник, подстрекатель), так и степени и формы организованности участия в совместном совершении преступления. Именно поэтому Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях неоднократно подчеркивал необходимость учета характера и степени участия в совершении конкретных преступлений против собственности.

Выделяется несколько уровней соучастия в преступлении. Действующее уголовное законодательство в ст. 35 УК РФ определяет конкретные формы совместного совершения преступления: во-первых, совершение преступления группой лиц; во-

вторых, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору; в-третьих, совершение преступления организованной группой; в-четвертых, совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией). В основе данной классификации лежит именно степень организованности совместного общественно опасного поведения. А она, как верно указал Л. М. Прокументов, может быть минимальной, а может характеризоваться полным взаимодействием²³. Причем стоит отметить, что показатели совместности в группе и группе лиц с предварительным сговором существенно отличаются от показателей совместности в организованной группе и преступном сообществе (преступной организации). Учитывая данное обстоятельство, и законодатель, и судебно-следственная практика дифференцированно подходят к оценке совместности в этих формах применительно к квалификации посягательств на собственность.

При конструировании составов преступлений против собственности законодатель учел две формы: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Однако, как свидетельствует практика, совершение преступления в иных формах соучастия не является исключением.

В соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным *группой лиц*, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

Совершение преступления группой лиц представляет собой форму соучастия с наименьшей степенью проявления совместности.

Для преступлений, совершаемых группой лиц без предварительного сговора, характерным является то, что исполнитель участвует в выполнении действий, образующих объективную сторону конкретного преступления, вместе с другими лицами, подлежащими уголовной ответственности (соисполнителями). При этом возможны следующие виды исполнения преступления:

лицо выполняет действия, образующие объективную сторону конкретного состава преступления, в полном объеме при присоединяющейся деятельности других соисполнителей;

лицо участвует в выполнении таких действий частично, присоединяясь на каком-либо этапе совершения общественно опасного деяния к деятельности других лиц — его соисполнителей.

Данный вид соисполнительства в преступлениях против собственности специфичен тем, что возможность участвовать в вы-

²³ Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 55.

полнении действий объективной стороны состава преступления нередко обусловлена особенностями механизма совершения конкретного преступления и далеко не во всех случаях связана с непосредственным выполнением деяния, явившегося главной и непосредственной причиной наступления преступного результата. Такие действия довольно часто играют роль условий, способствующих совершению преступления.

Поэтому соисполнителей можно подразделить на две категории: а) исполнитель (соисполнитель), выполняющий основное деяние в посягательстве на собственность; б) исполнитель (соисполнитель) обеспечивающий своим действием (бездействием) реализацию основного деяния другим лицом.

Например, в примечании 1 к ст. 158 УК РФ законодатель называет три вида завладения предметом хищения: а) изъятие; б) обращение; в) изъятие и обращение. Эти виды реализуются в конкретных формах хищения, определяя особенности соисполнения в зависимости от специфики предмета хищений²⁴ и характеристики способа деяния: тайно, путем обмана, злоупотребления доверием, завладения вверенным имуществом, открыто, путем нападения²⁵. Для корыстных преступлений против собственности, не являющихся хищениями, это такие действия, как требование²⁶, обман, злоупотребление доверием²⁷, неправомерное завладение²⁸. Для некорыстных посягательств на собственность — уничтожение, повреждение²⁹.

²⁴ См., например, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», определяющий момент окончания присвоения и растраты и, следовательно, пределы, до которых возможно соисполнение данных преступлений, исходя из особенностей предмета.

²⁵ См., например, пп. 3—5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяющие способы завладения при краже, грабеже и разбое.

²⁶ Так, в соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» вымогательство является оконченным преступлением с момента, когда предъявленное требование, соединенное с указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего.

²⁷ Обман и злоупотребление доверием, о которых идет речь в ст. 165 УК РФ, реализуются несколько иначе, чем при мошенничестве, предусмотренном ст.ст. 159—159.6 УК РФ, что обусловлено механизмом причинения вреда объекту преступления.

²⁸ См., например, п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях,

Итак, взаимодействие между соисполнителями в группе лиц без предварительного сговора носит непосредственный характер и осуществляется в процессе выполнения действий, образующих объективную сторону состава конкретного преступления. Вполне вероятны ситуации, когда параллельно с деятельностью одного исполнителя осуществляются действия другого лица. При отсутствии взаимодействия можно вести речь исключительно о совпадении деяний нескольких лиц. Такие лица подлежат ответственности как совершившие преступление единолично.

Для соучастия в форме группой лиц без предварительного сговора характерно, что каждый из соучастников полностью или частично выполняет действия, образующие объективную сторону конкретного состава преступления. При этом обязательно наличие в действиях каждого основного признака любого состава деяния. При соисполнительстве все соучастники приобретают равный с точки зрения юридической оценки деяния правовой статус независимо от объема и характера участия в совершаемом преступлении. Для данной формы соучастия, кроме указанных моментов, свойственны минимальная степень согласованности, что обусловлено невозможностью сговора в любом виде до начала преступления, и обязательное выполнение действий, составляющих объективную сторону состава преступления, всеми соучастниками.

связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

²⁹ Статья 167 УК РФ вообще не содержит признаков совершения преступления в группе, несмотря на распространенность таких эксцессов. Например, Л., С. и М., находясь в состоянии алкогольного опьянения, с целью попросить сигареты у П. пришли к ее дому, где Л. стал вызывать П. и требовать дать ему сигарету. На что находящийся в доме В. ответил отказом. После чего у Л., С. и М. возник умысел на умышленное уничтожение и повреждение имущества П. Затем Л. сломал деревянную калитку и деревянные ворота ограды. Л., С. и М. прошли к дому, где, действуя совместно, разбили оконные стекла дома, а также сломали оконные рамы дома в количестве семи штук и оконные ставни в количестве четырнадцати штук, входную деревянную дверь. В результате преступных действий Л., С. и М. потерпевшей причинен материальный ущерб на общую сумму <...> р., являющийся для нее значительным. Действия Л., С., М. были квалифицированы по ч. 2 ст. 167 УК РФ — умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества из хулиганских побуждений (Приговор Ишимского районного суда Тюменской области № 1-157/2011 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 01.05.2016)). В изложенной ситуации совершение преступления при фактическом соисполнении на квалификации не отразится, однако существует возможность учета данного обстоятельства как отягчающего наказание в рамках п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Субъективная сторона соучастия этой формы достаточно проста. Ее характеризуют следующие основные моменты:

а) знание о том, что соучастник действует не в одиночку, а вместе с другими соучастниками;

б) осознание того факта, что другие соучастники выполняют действия, образующие объективную сторону этого же преступления;

в) стремление достичь одного и того же результата путем совершения преступления.

Отсутствие предварительного сговора, что является специфическим признаком данной формы соучастия, подразумевает или полное отсутствие у соучастников согласования о предстоящем совершении преступления, или то, что это согласование носит неопределенный и незначительный характер. Совместность действий (бездействия) возникает уже после начала выполнения действий, образующих объективную сторону конкретного состава преступления. Данное обстоятельство может вызвать трудности при установлении объема вины и пределов вменения в части, касающейся, например, размера похищаемого имущества, способа завладения им при перерастании преступления, либо констатации умысла на уничтожение имущества у одного из соучастников и умысла только на повреждение имущества у другого соучастника. Поэтому положения об эксцессе исполнителя в рамках ст. 36 УК РФ при такой форме соучастия могут быть реализованы достаточно часто.

Субъективная связь при данной форме соучастия является минимальной и проявляется или в момент начала совершения преступления, или в процессе его совершения. Кроме того, особенностью субъективной связи при данной форме соучастия является ее ограниченный характер. То есть единственное, о чем осведомлены соучастники, так это о том, что к их деятельности присоединяется другое лицо (или другие лица)³⁰. Соучастие без предварительного сговора подразумевает только наличие соисполнителей, объединенных единством места и времени совершения преступления, и в ряде случаев повышает общественную опасность содеянного (поскольку, как уже отмечалось, даже простое объединение усилий может повлиять на результативность преступления). Данная форма соучастия в преступлениях против собственности встречается редко. Видимо, этим объясняется то,

³⁰ См.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 63 ; Шеслер А. В. Указ. соч. С. 28.

что законодатель избегает использования ее в качестве квалифицирующего признака преступлений против собственности. Поэтому в ситуации совершения хищения группой лиц без предварительного сговора содеянное ими следует квалифицировать (при отсутствии других квалифицирующих признаков, указанных в диспозициях соответствующих статей) по ч. 1 ст.ст. 158—162, 164 УК РФ³¹. Однако, давая разъяснения по применению норм, регламентирующих уголовную ответственность за отдельные преступления против собственности, Верховный Суд Российской Федерации в п. 12 постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал на то, что, постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 35 УК РФ, может признать данное обстоятельство отягчающим наказание со ссылкой на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Уровень совместности деяния в группе лиц без предварительного сговора, как правило, довольно низок. Некоторыми авторами соучастие без предварительного сговора называется сопричинением³². Подобная позиция не вполне оправдана, и обусловлено это следующими обстоятельствами. Прежде всего это подтверждается характеристикой субъективной стороны преступления — имеет место умысел на совершение преступления. Кроме того, в отличие от совершения преступления совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, в данной ситуации нет психической или возрастной «ущербности» участников деяния. Так, хорошо известно, что при такой форме объединения лиц каждый из участников сознает, что совершает преступление не один, а вместе с другими (другим), т. е. совместно, и присоединяет свою деятельность к уже начавшимся действиям другого лица или группы лиц. То есть умысел на совершение определенных действий может возникнуть одновременно у нескольких лиц без предварительного соглашения (сговора), каким-либо образом проявленного вовне (слова, жесты, мимика, телодвижения), либо лицом или несколькими лицами, также без предварительного сговора, сознательно присоединяются к совершению уже начавшегося

³¹ Стоит отметить позицию законодателя, который Федеральным законом от 31.10.2002 № 133-ФЗ дополнил п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как совершение кражи группой лиц. Однако практически через год Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ этот квалифицирующий признак был исключен.

³² Галактионов Е. А. Соучастие и организованная преступная деятельность: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 21.

преступления с молчаливого согласия всех участников. Однако это еще не говорит в пользу того, что структурная организация совместности в данном случае носит неорганизованный характер. В конце концов, мы оцениваем конкретный факт совместного совершения преступления, который обусловлен сочетанием объективных и субъективных признаков совместности, а они проявляются здесь в полной мере.

Группой лиц без предварительного сговора фактически могут совершаться разные преступления против собственности, например хищение или уничтожение или повреждение имущества, и очевидно, что эти посяательства могут быть и более опасными, чем преступные деяния, совершенные по предварительному сговору. Это обусловлено тем, что предварительный сговор сам по себе предполагает точное, достаточно оптимальное число участников совершения конкретного преступления. В то время как численность групп без предварительного сговора может быть любой и достигать нескольких сотен или даже тысяч человек, так как они образуются под влиянием не только сознательно используемых, но в значительной степени случайных обстоятельств³³.

Наиболее часто встречающаяся в практике форма соучастия в преступлениях против собственности — совершение преступления *группой лиц по предварительному сговору*. От соучастия без предварительного сговора данная форма отличается, во-первых, наличием сговора между соучастниками (причем сговор может касаться самых разнообразных сторон совместного совершения преступления), во-вторых, временем достижения такого сговора — заранее³⁴. Предварительный сговор в общих чертах представляет собой заключение между участниками соглашения о совместном участии в преступлении и предполагает единство их намерений на совершение действий, образующих объективную сторону данного преступления. Такое соглашение должно состо-

³³ Эта форма совершения группового преступления получила широкое освещение в науке уголовного права России в конце XIX—начале XX века под названием «скоп» (Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1908 и др.).

³⁴ Например, в соответствии с п. 6.1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 05.09.1986 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» кражу, грабеж, разбойное нападение, мошенничество и вымогательство следует считать совершенными по предварительному сговору группой лиц, если в преступлении принимали участие двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении (п. 6.1 введен Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 № 14).

яться до начала выполнения действий, образующих объективную сторону конкретного состава преступления, хотя бы с одним из участников. В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при квалификации действий виновных как совершение хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору суду следует выяснять следующие обстоятельства:

а) наличие сговора соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества;

б) состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла;

в) какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления.

В том случае, когда соучастие возникает в процессе совершения преступления, предварительный сговор, без всякого сомнения, отсутствует. Поэтому одним из важнейших моментов, на который необходимо обращать внимание при квалификации преступлений, совершенных совместно, — это момент возникновения субъективной связи между соучастниками. Характер и форма³⁵ состоявшегося между соучастниками сговора принципиального значения для квалификации не имеет. В целом предварительный сговор указывает на изменение степени совместности деяния, характеризует устойчивость связей между соучастниками. То есть сговор о совершении преступления фактически является прямым свидетельством того, что степень организованности в такого рода деяниях возрастает, что повышает их результативность и эффективность. Например, К. после совместного распития спиртных напитков с В. предложил последнему совершить кражу из соседней квартиры, для того чтобы найти деньги на продолжение выпивки, что В. и не замедлил сделать.

Теоретически, однако, не следует исключать ситуацию, когда присоединяющиеся действия соучастника могут образовывать

³⁵ По мнению отдельных авторов, заранее договориться о совместном совершении преступления означает прийти к соглашению в ходе переговоров, как и кому из участников действовать для достижения целей совершения преступления. Если же соглашение состоялось путем «молчаливого солидарного согласия», то в таком случае, по мнению этих авторов, будет иметь место группа лиц без предварительного сговора (см.: Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. С. 20). Такая точка зрения представляется абсолютно неубедительной и не основанной на действующем уголовном законе. Каким бы путем ни состоялся сговор, важно, чтобы он был предварительным.

предварительный сговор. Это возможно, например, тогда, когда преступник в силу каких-либо обстоятельств временно приостанавливает начатую преступную деятельность (которая уже подпадает под признаки конкретного юридически начатого, но еще не оконченного преступления) и начинает подыскивать лиц, которые помогли бы довести ему преступление до конца³⁶. При этом следует учитывать разъяснения, приведенные в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», о том, что при квалификации действий двух и более лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, судам следует иметь в виду, что в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично. Это, безусловно, справедливое замечание Верховного Суда Российской Федерации вызывает один вопрос: возможно ли учесть для такого лица признак «совершение преступления группой лиц» в рамках п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ?

В содержание предварительного сговора входит соглашение:

- а) о самом факте совершения конкретного преступления;
- б) о совместности общественно опасного поведения, т. е. о характере взаимодействия при совершении преступления и о тех ролях, которые будут играть соисполнители, совершая различные действия в рамках объективной стороны выполняемого состава преступления.

Давая оценку сговору как свойству, которое меняет степень совместности деяния и переводит его на качественно новый уровень, еще раз следует констатировать, что сговор в данном случае характеризуется уяснением объекта и предмета преступления, способа посягательства и др. То есть состоявшийся до совершения преступления сговор нередко носит самый общий характер. Поэтому возникает вопрос об уголовно-правовой оценке эксцесса одного из участников группы. Так, Пленум Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 05.09.1986 № 11 (ред. от 30.11.1990) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» указывал, что если группа лиц по

³⁶ Аналогичную ситуацию рассматривают Г. А. Кригер и А. В. Шеслер (Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 231 ; Шеслер А. В. Указ. соч. С. 29).

предварительному сговору имела намерение совершить кражу или грабеж, а один из участников применил или угрожал применить насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, то его действия следует квалифицировать как разбой, а действия других лиц — соответственно как кражу или грабеж при условии, что они непосредственно не способствовали применению насилия либо не воспользовались им для завладения имуществом потерпевшего. Аналогичное разъяснение содержится и в абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В тех случаях, когда лица предварительно договорились о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям ст.ст. 161, 162 УК РФ. Кроме того, Пленум учел и то обстоятельство, что сговор — явление динамичное и в процессе совершения преступления может видоизменяться, не порождая эксцесса одного из соисполнителей. Так, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками. Аналогичные решения принимались Верховным Судом Российской Федерации и по конкретным уголовным делам.

Так, действия виновного были квалифицированы по ч. 4 ст. 166 УК РФ как неправомерное завладение автомобилем без цели хищения, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья.

К., Б. и Я. заранее договорились о завладении транспортным средством путем применения насилия к водителю и удаления его из автомашины. С этой целью они остановили автомобиль, управляемый Ч.

Во время движения Я. набросил на шею Ч. шнурок и стал затягивать его. К. остановил автомашину. Шнурок порвался, и потерпевший выскочил из автомашины. Я. и Б. догнали потерпевшего, посадили на заднее сиденье, сами сели по бокам. К. повел автомобиль в безлюдное место, Б. душил потерпевшего, а Я. удерживал за руки.

Смерть Ч. наступила от сдавливания шеи петлей. Убедившись, что водитель мертв, Б. и Я. вытащили труп из автомашины.

Завладев автомашиной, осужденные катались на ней по городу, пока автомобиль не был остановлен сотрудниками милиции.

По приговору суда К. осужден по ч. 4 ст. 166 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения.

Осужденный К. в надзорной жалобе просил о переквалификации его действий, утверждая, что не виновен в неправомерном завладении автомобилем с применением насилия, опасного для жизни и здоровья.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, проверив производство по уголовному делу в отношении К., надзорную жалобу в этой части оставил без удовлетворения.

Согласно показаниям осужденных Я. и Б., они в присутствии К. обсудили возможность завладеть автомашиной и выбросить из нее водителя. К. согласился принять участие в планируемом преступлении, поскольку кроме него никто не умел управлять автомобилем.

Во время поездки в автомашине Я. набросил водителю на шею шнурок и стал его душить, а К. принял меры к остановке автомашины. Когда Б. и Я. догнали пытавшегося убежать водителя и посадили его в автомобиль, К. пересел на место водителя и управлял автомобилем, в том числе и в тот момент, когда Б. и Я. в салоне автомашины душили потерпевшего.

Суд, оценив все доказательства в их совокупности, признав показания осужденных в данной части достоверными, пришел к обоснованному выводу о виновности К. и квалифицировал его действия по ч. 4 ст. 166 УК РФ³⁷.

И еще одно немаловажное обстоятельство: поскольку уголовный закон говорит о совершении преступления по предварительному сговору группой лиц, внешне совместность в данной ситуации может выглядеть:

- а) как соисполнительство;
- б) как совершение преступления с распределением ролей при наличии двух или более соисполнителей³⁸.

³⁷ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2007 № 823-П06.

³⁸ Стоит обратить внимание на одно существенное обстоятельство. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (абз. 1 п. 12) до внесения в него изменений постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» содержалось указание на то, что действия виновных следует квалифицировать по указанному признаку, если в совершении преступления участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности. Такое определение группы лиц по предварительному сговору было, как представляется, весьма удачным. Однако на сегодняшний момент эти разъяснения исключены из текста Постановления. Это дает основание предположить, что в состав группы лиц с предварительным сговором могут входить лица, не подлежащие уголовной ответственности, что, как представляется, противоречит общей концепции соучастия в преступлении. Что же касается использования для выполнения объективной стороны хищения лиц, не подлежащих уголовной

В последнем случае действия участников совместного преступного деяния необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 33 УК РФ и статье Особенной части, предусматривающей ответственность за преступление, выполненное соисполнителями, т. е. по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Например, вполне вероятно на квалификация по признакам пособничества хищению, совершаемому по предварительному сговору группой лиц. Так, К., часто бывая дома у Б-овых и зная о наличии у последних достаточного количества денег и ценных вещей, решил совершить убийство семьи Б-овых и похитить их имущество. Для осуществления своего намерения он склонил Г. и Ш., которые и совершили убийство.

Однако если лицо единолично выполняет действия, входящие в объективную сторону состава преступления, а организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвуют в совершении хищения чужого имущества, в соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору. В подобных случаях в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Именно в силу указанных выше обстоятельств в правоприменении спорным остается вопрос квалификации действий лиц, которые непосредственно не завладевают имуществом, однако выполняют иные действия, направленные на оказание содействия исполнителю преступления, например обеспечивают безопасность совершения кражи, вывозят похищенное, устраняют препятствия или выполняют какие-либо иные действия.

Абзац 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержит указание о том, что уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой как за совершенные при соисполнительстве наступает и в тех случаях,

ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, то в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации использующий таких лиц признается единственным исполнителем преступления (см., например, пп. 12, 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них, но другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления). В данном случае Верховный Суд Российской Федерации признает соисполнительством выполнение в основном функций, обеспечивающих либо один из конструктивных элементов кражи — тайность изъятия, либо реализацию квалифицированных хищений — проникновение в помещение, хранилище, жилище. В противном случае говорить о соисполнительстве и, следовательно, о наличии группы лиц по предварительному сговору нельзя. Поэтому сомнительным представляется отнесение Верховным Судом Российской Федерации к соисполнительству действий лица, вывозящего похищенное имущество после его изъятия, поскольку такого рода действия не входят в объективную сторону кражи³⁹. Примечательно, что до принятия указанного Постановления практика была несколько иной.

Так, Б. был признан виновным в тайном хищении чужого имущества, совершенном по предварительному сговору группой лиц, с незаконным проникновением в жилище, с причинением значительного ущерба гражданину. Б., К., Б-ов., Ш. и Д. вступили в преступный сговор о совершении кражи из квартиры. С этой целью они на автомобиле, управляемом Б., приехали к дому, в котором находилась данная квартира. Б. остался в машине у детского сада за магазином ожидать соучастников, чтобы затем перевезти похищенное имущество. Б-ов, Ш., Д. зашли в подъезд дома. К. у подъезда наблюдал за обстановкой с целью своевременного предупреждения соучастников в случае возникновения опасности. Ш. с этой же целью поднялся на лестничную площадку пятого этажа. Б. и Д. взломали дверь квартиры, расположенной на четвертом этаже, проникли в нее, сложили вещи в принесенные сумки. Затем К. и Ш. помогли Б. и Д. вынести имущество.

Судебная коллегия по уголовным делам Липецкого областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации в протесте просил приговор и определение судебной коллегии изменить: переквалифицировать действия Б. с п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

³⁹ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2014 № 18-АПУ14-43.

Президиум Липецкого областного суда 15 июня 2001 г. протест удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями). Однако Б. не принимал непосредственного участия в совершении действий, образующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также в оказании помощи исполнителям тайного хищения чужого имущества по проникновению в жилище, по изъятию имущества. Зная о намерении участников кражи завладеть чужим имуществом, он доставил их на автомобиле до места, где планировалось совершение преступления, и, заранее договорившись с ними, дождался их возвращения и отвез похищенное имущество.

По смыслу уголовного закона, в случае совершения хищения с проникновением в жилище по предварительномуговору группой лиц при отсутствии признаков организованной группы действия лиц, осведомленных о целях участников хищения и оказавших им содействие в доставке к месту совершения преступления и обратно, но не оказывавших помощь в непосредственном проникновении в жилище или изъятии имущества, подлежат квалификации как соучастие в преступлении в форме пособничества.

С учетом изложенного действия Б. были переквалифицированы на ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁴⁰.

Аналогичные рассмотренным выше рекомендации содержатся, например, и в абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». При этом в данном Постановлении указывается на необходимость учета конкретных действий виновных, непосредственно направленных на исполнение объективной стороны этих преступлений. Кроме того, учитывая особенности субъекта преступлений, предусмотренных ст.ст. 159.1—159.6, а также ст. 160 УК РФ, можно сделать вывод о том, что исполнителями (соисполнителями) данных преступлений могут быть лишь специальные субъекты. В соответствии с разъяснениями, данными в п. 22 обозначенного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в качестве исполнителя присвоения или растраты может рассматриваться только лицо, которому чужое имущество было вверено юридическим или физическим лицом на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности. Следовательно, исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ лица, не обладающие указанными признаками специального субъекта присвоения или растраты, но непосредствен-

⁴⁰ Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое / заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации А. Е. Меркушов. 2003. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с лицом, которому это имущество вверено, должны нести уголовную ответственность по ст. 33 и ст. 160 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников. Наличие группы лиц по предварительному сговору применительно к ст. 160 УК РФ будет в том случае, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта присвоения или растраты (например, руководитель организации, в чьем ведении находится похищаемое имущество, и работник, несущий по договору материальную ответственность за данное имущество), которые заранее договорились о совместном совершении преступления. Поэтому возникает вопрос о квалификации хищения, совершенного лицами, одному из которых имущество вверено, а у другого таких правомочий не было, но оно помогало завладеть предметом.

Применительно к ст. 162 УК РФ нужно констатировать, что судебные органы признают разбой совершенным группой лиц по предварительному сговору в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществлял один из них, а второй обеспечивал безопасность или применял насилие либо создавал угрозу применения насилия.

С. был признан виновным в совершении разбойного нападения группой лиц по предварительному сговору с Т. с целью завладения чужим имуществом в крупном размере, с проникновением в помещение.

С. занимался частной зубопротезной практикой и по роду деятельности сотрудничал с Б., который работал литейщиком. С. не расплатился с Б. за один из заказов. С., встретив своего знакомого Т., сообщил ему, что у литейщика в мастерской имеется в сейфе крупная сумма денег и предложил завладеть ими. В процессе подготовки к преступлению С. сообщил о графике работы литейщика, описал обстановку в мастерской.

С. договорился с Т. о совершении разбойного нападения на потерпевшего с распределением ролей. Согласно договоренности Т. должен был оглушить потерпевшего, чтобы тот потерял сознание, и забрать деньги, а С. должен был наблюдать за окружающей обстановкой и обеспечивать безопасность, стоя у дверей мастерской.

Т., не ставя в известность С., взял с собой браунинг. Во время нападения Т. выстрелил не менее трех раз из пистолета в потерпевшего. Но поскольку после произведенных выстрелов потерпевший продолжал оказывать сопротивление и попытался задержать Т., тот убежал и вместе с С. скрылся с места преступления. Суд первой инстанции квалифицировал действия С. по п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения. В надзорной жалобе адвокат осужденного С. поставил вопрос об изменении судебных решений в отношении С. и переквалификации его действий с п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 3

ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, поскольку разбойное нападение совершил лишь один Т., а С. явился соучастником покушения на грабеж.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор без изменения, а надзорную жалобу адвоката — без удовлетворения по следующим основаниям. По смыслу уголовного закона (ст. 35 УК РФ) уголовная ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Таким образом, заранее согласованные с Т. действия С., направленные на совершение разбоя, связанные с оказанием помощи непосредственному исполнителю разбоя, правильно расценены судом как соисполнительство разбойного нападения⁴¹.

Более того, Верховный Суд Российской Федерации в п. 14 постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дает рекомендации, в соответствии с которыми применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, одним из виновных, охватывающееся умыслом других участников группы, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, подлежит оценке по ч. 2 ст. 162 УК РФ как действия соисполнителей и в том случае, когда оружие и другие предметы были применены только одним из них. Аналогичные разъяснения даются и в п. 14.1 указанного Постановления в части причинения тяжкого вреда здоровью: если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего⁴².

Так, Ш., Б. и Е. после совместного распития спиртного вступили в сговор на разбойное нападение в отношении любого водителя такси в целях хищения чужого имущества, с применением предмета, используемого в качестве оружия, и на умышленное причинение смерти потерпевшему в ходе разбойного нападения. С этой целью они распределили между собой роли, согласно которым Е. должен был выбрать такси и договориться с водителем о поездке в микрорайон

⁴¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2004 № 389П04.

⁴² Однако при этом действия лица, непосредственно причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по ч. 4 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ соответственно.

<...> к реке <...>, где ими планировалось совершение преступления. Ш., имевший при себе складной нож, должен был напасть с ножом на водителя с целью убийства. До нападения Б. и Е. предварительно должны были осмотреть местность, где планировалось совершить разбойное нападение и убийство водителя, а при совершении Ш. убийства водителя они должны были наблюдать, нет ли посторонних лиц на месте преступления, при необходимости помочь Ш. и после убийства скрыть труп водителя в реке. После нападения на водителя такси и его убийства Ш., Б. и Е. планировали завладеть автомашиной, деньгами водителя такси, иным имуществом.

Е. заказал водителю такси поездку в микрорайон <...>. Указывая водителю направление движения, они убедили его в том, что едут к реке <...> в поисках знакомых девушек. Прибыв в микрорайон на участок местности на правом берегу реки <...>, они попросили водителя такси остановить автомобиль. Действуя согласно распределенным ролям, Б. и Е. вышли из машины для осмотра местности. Осмотрев местность и убедившись в отсутствии посторонних лиц, они дали сигнал Ш. к нападению. Ш. напал на водителя такси и нанес ему удар ножом в шею. После этого Б., лишая потерпевшего возможности сопротивляться, вытащил его из машины и повалил на землю. Ш., выйдя из машины, с целью причинения смерти нанес ножом потерпевшему множественные удары в шею, голову и другие жизненно важные органы. Смерть потерпевшего наступила на месте преступления. После этого Ш., Б. и Е. похитили автомашину вместе с газобаллонным оборудованием, радиостанцией и антенной, а также вещи, принадлежащие погибшему, — мобильный телефон, зарядное устройство к нему, автомобильную магнитолау, диски и деньги⁴³.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 14 постановления от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» также разъясняет, что в случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону состава вымогательства (например, либо высказывает требование, либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Если же лицо осуществляет заранее обещанные передачи исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то при отсутствии признаков участия в составе организованной группы его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части ст. 163 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

⁴³ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2013 № 66-АПУ13-73.

Кроме того, согласно рекомендациям Верховного Суда Российской Федерации при неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения несколькими лицами по предварительному сговору действия каждого должны оцениваться как соучастие в преступлении в виде соисполнительства (в соответствии с ч. 2 ст. 34 УК РФ). Поэтому действия виновных лиц квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ независимо от того, кто из участников преступной группы фактически управлял транспортным средством⁴⁴. В данном случае, рекомендуя оценивать такие действия как соисполнительство, Верховный Суд Российской Федерации, видимо, исходил из того, что угон часто связан с преодолением препятствий при завладении (отключение систем сигнализации, отвлечение хозяина автомобиля либо лиц, ответственных за его охрану, применение насилия и т. д.), поэтому функции, обеспечивающие основное действие — завладение, являются соисполнением угона. Стоит отметить, что Верховный Суд Российской Федерации толкует объективную сторону завладения достаточно специфично. В соответствии с п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения понимается совершение двух неальтернативных действий: завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством (угон) и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям. Данное толкование формально расширяет границы соисполнения данного преступления.

Таким образом, рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации, даваемые по применению различных составов преступлений против собственности, несомненно, находят свое отражение в практике, многих вопросов не разрешают. Основные доводы в их пользу сводятся к тому, что, например, объективная сторона хищения не исчерпывается действиями, состоящими в том, что субъект берет, переносит, получает или как-то

⁴⁴ Пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

иначе изымает имущество из владения потерпевшего⁴⁵. Поскольку, например, структура объективной стороны кражи представляется достаточно сложной, то совершение преступления должно оцениваться с учетом специфичности того или иного способа хищения. Следовательно, для признания участника группы исполнителем кражи достаточно совершения им такого действия, которое непосредственно направлено на достижение общего преступного результата — завладения имуществом⁴⁶.

Подводя итог анализа совместного исполнения преступления, следует сделать вывод о том, что такая форма совершения преступления может образовываться не только однородными действиями, но и разнородными, однако такими, которыми в момент совершения преступления оказывается содействие другим исполнителям. Конечно, на практике в подобной ситуации сложно с достаточной четкостью разграничить, какую конкретно роль играл при совершении преступления соучастник — исполнителя или организатора, подстрекателя или пособника⁴⁷. Возможность осуществить это зависит от тщательного изучения объективной стороны конкретного состава преступления, выполненного в соучастии. Безусловно, прав в этом отношении М. И. Ковалев, который полагает, что при проведении разграничительной черты нужно исходить из понятия действия, так как только в этом случае станет ясно, что понимать под соучастием⁴⁸.

Только законодательное описание конкретного состава преступления позволяет ответить на вопрос о том, какие действия нужно выполнить исполнителю, чтобы включиться в общую цепь причинности. Что касается различия в характере и объеме действий соучастников в подобной ситуации, то оно юридического значения практически не имеет — все лица остаются соисполнителями⁴⁹.

⁴⁵ См., напр.: Борзенков Г. Квалификация соучастия в краже с проникновением в помещение, иное хранилище или жилище // Советская юстиция. 1986. № 6. С. 14—15.

⁴⁶ Тишкевич И. С., Тишкевич С. И. Квалификация хищений имущества. Минск, 1996. С. 97.

⁴⁷ Достаточно большое количество пересмотров приговоров в высших судебных инстанциях связано именно с тем, что часто ни следственные, ни судебные органы, ни органы прокуратуры не могут с достаточной четкостью отличить исполнение преступления от иных форм содействия ему. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки общего понятия «исполнение преступления».

⁴⁸ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 109—111.

⁴⁹ Так, П. И. Гришаев и Г. А. Кригер справедливо утверждали, что некоторое различие в характере и объеме действий отдельных лиц в данном случае имеет

Некоторый интерес вызывает вопрос о том, могут ли образовывать соисполнительство те случаи, когда один из исполнителей действует активно, а другой — пассивно, в то время как выполнение состава преступления возможно только действиями. Представляется, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ по той причине, что пассивный исполнитель вообще не касается объективной стороны преступления, совершаемого в соучастии. С другой стороны, в УК РФ содержится немало статей, предусматривающих ответственность за преступления, объективную сторону которых могут образовывать как действия, так и бездействие. При таком положении вещей предполагаемые исполнители либо оба должны активно действовать, либо же оба бездействовать. Если же один из исполнителей действует активно, а другой пассивно, то исполнительскими могут быть признаны только действия первого. Что же касается характеристики роли пассивного соучастника, то он может рассматриваться исключительно как пособник и не более того⁵⁰. Другое дело, если объективная сторона состава преступления сконструирована таким образом, что может складываться в виде последовательно осуществляемой деятельности, в которой каждый из соучастников действует на определенном этапе, дополняя деяния других. Такой вариант не исключает возможности соисполнительства при одном условии: все указанные лица включаются в совершение преступления до его юридического окончания.

3. КВАЛИФИКАЦИЯ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ И ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Совершение преступлений против собственности в составе организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) представляет собой весьма распространенное явление. Особенно часто данные формы соучастия реализуются в составах хищений. Эти формы соучастия характеризуются гораздо более

чисто техническое, а не юридическое значение (Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 140).

⁵⁰ Иного мнения придерживается М. И. Ковалев, который считает, что в этом случае о соисполнительстве все же может идти речь, но лишь при условии, если оба соучастника стремятся к достижению одного и того же результата (Ковалев М. И. Указ. соч. С. 112—113).

высоким уровнем совместности при совершении преступления (о чем свидетельствует усложненный характер предварительного сговора), что придает им большую общественную опасность по сравнению с иными проявлениями организованной совместности. Поэтому если даже лицо не выполняет действия, образующие объективную сторону конкретного состава преступления, его действия оцениваются как соисполнительство в силу наличия особой формы совместной преступной деятельности — организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации).

Данная практика напрямую закреплена в решениях Верховного Суда Российской Федерации. Например, в соответствии с абз. 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при признании этих преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ⁵¹.

Аналогичные рекомендации даются и относительно участников преступного сообщества (преступной организации). Так, в абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» разъясняется, что действия участника преступного сообщества (преступной организации), не являющегося исполнителем конкретного преступления, но в соответствии с распределением ролей в составе этого сообщества выполняющего функции организатора, подстрекателя либо пособника, подлежат квалификации независимо от его фактической роли в совершенном преступлении по соответствующей

⁵¹ Подобные рекомендации содержатся и в постановлениях по другим категориям уголовных дел. Так, в абз. 4 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что «организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ».

статье Уголовного кодекса Российской Федерации без ссылки на чч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ, а также по ч. 2 ст. 210 УК РФ⁵².

Таким образом, в отличие от рассмотренных ранее группы лиц и группы лиц с предварительным сговором, предполагающих в качестве участников исключительно соисполнителей, непосредственно участвующих в выполнении всех или части действий, образующих объективную сторону конкретных посягательств на собственность, специфика организованной группы состоит в том, что в этой форме соучастия допускается возможность признания ее участниками любых лиц независимо от тех функций, которые они выполняли при совершении конкретного преступления⁵³. Поэтому возможны следующие виды участия в организованной группе, признаваемого соисполнительством:

- а) непосредственное выполнение действий, образующих объективную сторону конкретного посягательства на собственность;
- б) обеспечение выполнения действий, образующих объективную сторону конкретного преступления, путем создания необходимых условий (приискание объектов для посягательств, орудий и средств совершения преступления, поиск возможных способов сбыта похищаемого имущества, обеспечение транспортом и связью иных участников группы, иное обеспечение организованной группы, иное способствование совершению конкретных посягательств).⁵⁴

Такая юридическая фикция призвана достигнуть одной единственной цели — наиболее суровыми мерами покарать участни-

⁵² Судебная практика последовательно идет по этому пути (см., например, Кассационные определения Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 48-О12-28, от 20.01.2011 № 46-О10-111 и др.).

⁵³ Данное положение не свидетельствует однозначно о невозможности применения положений чч. 4, 5 ст. 33 УК РФ. Так, если лицо:

а) подстрекало другое лицо или группу лиц к созданию организованной группы для совершения конкретных преступлений, но не принимало непосредственного участия в подборе ее участников, планировании и подготовке к совершению преступлений (преступления) либо в их осуществлении — его действия следует квалифицировать как подстрекательство к совершению организованной группой преступлений со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ;

б) оказывало пособническую помощь в конкретном посягательстве на собственность не будучи участником организованной группы — его действия следует квалифицировать как пособничество в совершении организованной группой преступлений со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

⁵⁴ Такие деяния могут подпадать под признаки ч. 5 ст. 33 УК РФ, а могут и не охватываться ею.

ков организованных преступных формирований. Дело в том, что в некоторых случаях обеспечение принципа справедливости, а также обеспечение задач уголовного законодательства требует определенных юридических правил, но они в силу различного рода обстоятельств из положений действующего уголовного законодательства не могут быть выведены. Поэтому приходится подводить при известных предположениях данный фактический состав к действующей уголовно-правовой норме. Однако представляется, что такая практика не вполне обоснованна, поскольку до невероятных пределов размывает понятие исполнения преступления, что едва ли соответствует основным уголовно-правовым принципам, а обеспечить максимальную жесткость наказания можно другими средствами⁵⁵.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным *организованной группой*, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Следовательно, обязательными признаками такой группы являются предварительный сговор и устойчивость.

Организованная группа исходя из законодательного определения обладает такими специфическими признаками, как устойчивость и специальная цель объединения. Поэтому квалификация преступления, совершенного организованной группой лиц, предполагает, что виновные заранее объединились в устойчивую организованную группу для совершения одного или нескольких преступлений. И если предварительный сговор с содержательной стороны в основном и в теории и на практике не вызывает сколько-нибудь серьезных разногласий, то устойчивость как своеобразный показатель степени организованности совместности общественно опасного поведения понимается в теории и на практике неодинаково.

Законодательного определения понятия «устойчивость» не дано. При рассмотрении конкретных уголовных дел суды вынуждены опираться на толкование данного понятия, которое содержится в постановлениях Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации. В пункте 13.1 постановления

⁵⁵ Средств уголовного закона в этой части вполне достаточно (например, ст. 67 УК РФ не предусматривает различия в наказании в зависимости от функций соучастников, поэтому вполне возможно назначение равного наказания каждому из них; п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ позволяет в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, учитывать особо активную роль в совершении преступления).

Пленума Верховного Суда СССР от 05.09.1986 № 11 (ред. от 30.11.1990) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» указывается, что под организованной группой следует понимать устойчивое объединение двух или более лиц с целью совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости группы могут свидетельствовать, в частности, предварительное планирование преступных действий, подготовка средств реализации преступного умысла, подбор и вербовка соучастников, распределение ролей между ними, обеспечение мер по сокрытию преступления, подчинение групповой дисциплине и указаниям организатора преступной группы. В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» организованная группа определяется как группа из двух или более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. В пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» отмечается, что об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений. В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» говорится, что организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла. А абз. 3 п. 15 данного Постановления содержит характеристику устойчивости организованной группы, в числе основных признаков которой Верховным Судом Российской Федерации называется большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, техническая оснащенность группы, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей).

Даже простой анализ приведенных рекомендаций показывает, что Верховный Суд идет по пути не содержательного раскрытия понятия «устойчивость», а по пути увеличения признаков, которые якобы раскрывают данное понятие или указывают на его существование. Причем в признаки, указывающие на «устойчивость», попадают и такие оценочные категории, которые к устойчивости отношения не имеют (например «сплоченность», «постоянство форм и методов преступной деятельности» и др.).

Лексическое значение слова «устойчивый» — «не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый»⁵⁶. В качестве характеристики совместности деятельности людей термин «устойчивость» используется в большей мере в социальной психологии и также рассматривается в качестве показателя длительности существования конкретной группы. Данное обстоятельство было воспринято и судебной практикой.

Так, Электростальским городским судом осуждены Г., С., О., которые признаны виновными в совершении кражи чужого имущества неоднократно и организованной группой. Г., работая в ОАО <...>, объединился в устойчивую группу с другими лицами с целью совершения кражи ферромolibдена и феррованадия. Судом установлено, что они на протяжении длительного времени готовились к совершению преступления, разработали план совместных действий с распределением ролей каждого участника, подготовили транспортное средство, место для складирования похищенного, совершили три эпизода кражи в одном и том же составе. При этом Г. являлся организатором, осуществлял планирование, руководство и организацию вывоза похищенного металла, последующую его реализацию и распределение вырученных средств между членами группы⁵⁷.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что устойчивость характеризуется наличием достаточно прочных постоянных связей (касающихся совершения одного преступления или нескольких преступлений) между членами группы и специфическими индивидуальными формами и методами деятельности⁵⁸. Вместе с тем в социально-психологической науке не вызы-

⁵⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 838.

⁵⁷ По результатам рассматривания судами Московской области в 2000—2002 гг. уголовных дел о преступлениях, совершенных организованной группой : справка от 09.10.2002 / Московский областной суд. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁸ Большинство ученых определяет этот признак как объективно-субъективный (см., напр.: Шеслер А. В. Указ. соч. С. 31 ; Ответственность за преступления, совершенные в составе организованных групп : методические рекомендации по применению норм УК РФ / Л. Д. Гаухман [и др.]. М., 1997. С. 3).

вает сомнений положение, в соответствии с которым устойчивость понимается как выражение жизнедеятельности группы. В уголовно-правовой теории и судебной практике в качестве показателей устойчивости выделяется целый ряд объективных и субъективных признаков.

К объективным признакам устойчивости вполне возможно отнести следующие:

а) продолжительное по времени существование группы⁵⁹ и стабильность ее основного состава⁶⁰;

В свете изложенного нами понимания совместности деяния такой подход представляется абсолютно верным.

⁵⁹ А. В. Шеслер в дополнение к этому верно указывает, что «иногда организованную группу может характеризовать и интенсивный за короткий промежуток времени период преступной деятельности, складывающийся из значительного числа преступлений, совершенных участниками группы» (Шеслер А. В. Указ. соч. С. 33). Следует лишь добавить, что короткий период активного взаимодействия между членами группы может быть связан и с приготовлением к совершению одного преступления. Так, Р. Р. Галиакбаров предлагает признавать группу устойчивой и в случаях, когда объединение создается для совершения даже одного преступления, но требующего для его осуществления длительной подготовки при тщательной специализации соучастников (Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 77).

⁶⁰ Президиумом Московского областного суда по протесту Председателя Верховного Суда Российской Федерации был изменен приговор Электростальского городского суда от 25.01.1999 в отношении А., П. и Б., которые были осуждены за вымогательство, совершенное организованной группой. Президиум, изменяя приговор суда, указал в постановлении, что вывод суда о совершении преступления организованной группой является предположением. Указывая в приговоре на то, что вымогательство денежных средств у предпринимателей осуществлялось постоянными членами группы, суд вошел в противоречие с описательной частью приговора, из которой видно, что постоянным членом группы был один А., П. принял участие в трех эпизодах преступной деятельности, а Б. — в одном. Из дела видно, что А. вымогал деньги в группе с разными лицами, в отношении одного из них дело выделено в отдельное производство, часть лиц органами следствия вообще не установлена, и все они по делу не допрошены. Не установил суд и лицо, создавшее группу и руководившее ею. Список предпринимателей, выплачивавших определенные денежные суммы П., сам по себе не свидетельствует, что П., как и другие осужденные по делу лица, действовал в составе организованной группы. С учетом этих данных Президиум пришел к выводу, что вымогательство осуществлялось не организованной группой, а группой лиц по предварительному сговору (По результатам рассмотрения судами Московской области в 2000—2002 гг. уголовных дел ...).

б) разработка плана совместной преступной деятельности либо плана совершения конкретного преступления, требующего довольно тщательной разработки и планирования⁶¹;

в) предварительное распределение ролей между членами организованной группы (это распределение ролей должно носить устойчивый характер, т. е. каждый член такой группы при совершении преступлений выполняет, как правило, узкий круг функций, возложенных на него организатором);

г) обеспеченность орудиями и средствами совершения преступления;

д) единообразии способов и форм, в которых протекает преступная деятельность⁶².

К субъективным признакам устойчивости можно отнести следующие:

а) умысел лиц, входящих в организованную группу, охватывает долгосрочный характер взаимодействия между участниками группы по поводу совершения преступлений;

б) осознание того, что основной состав группы остается постоянным, т. е. участники группы имеют представление о других соучастниках как о неизменных участниках совершаемых преступлений (или одного преступления, которое требует тщательной разработки);

⁶¹ Этот признак долгое время в отечественной уголовно-правовой литературе рассматривался как определяющий при разграничении организованной группы и группы лиц по предварительному сговору (см., напр.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 72—81, 102 и др.).

⁶² Так, Домодедовским городским судом осуждены Г., К., Ш., Д. Они признаны виновными в совершении разбоя и грабежа организованной группой в крупном размере. Эти лица объединились в устойчивую группу, поддерживали между собой тесную взаимосвязь, заранее договорились о совместном совершении преступлений, распределили роли, использовали одни и те же формы и методы преступной деятельности. Методы их преступной деятельности детально отработаны: преступления совершались в определенном месте на Ново-Каширском шоссе рано утром, объектом преступления были пассажиры автомашин из дальних регионов, как правило, определенной марки. Способ завладения имуществом также был хорошо организован, каждый четко выполнял отведенную ему роль. Осужденные имели автотранспорт, рации, а также средства для сокрытия преступлений — запасные номера от автомашин со специальными креплениями. Ими совершено четыре эпизода преступлений (По результатам рассмотрения судами Московской области в 2000—2002 гг. уголовных дел ...).

в) осознание своей роли в организованной группе, а также роли других участников группы, в том числе и руководящей роли организатора⁶³.

Основой выделения именно этих элементов является то, что устойчивость представляет собой специфику внутренней характеристики преступной группы. Устойчивость является следствием взаимодействия, сложившегося в организованной группе, и обуславливается: а) личностной обозначенностью ее членов, т. е. способом личностного выражения в данном объединении; б) структурой ее интеграции и дифференциации.

Учитывая особенности участия в организованной группе, следует отметить одно немаловажное обстоятельство. При вменении признака совершения преступления организованной группой нужно учитывать, что в совершении конкретного преступления могут участвовать не все участники организованной группы. С организатором (или руководителем) организованной группы ситуация предельно проста — он подлежит ответственности как исполнитель за все совершенные организованной группой посяательства на собственность независимо от того, принимал ли он в их совершении непосредственное участие, при условии, если они охватывались его умыслом. Однако с другими участниками группы ситуация несколько иная — они в соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ подлежат ответственности как соисполнители исключительно за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для простого участника организованной группы факт осведомленности о конкретном, например, хищении является недостаточным для вменения ему в вину. Важно, чтобы лицо участ-

⁶³ Довольно близкие, по сути, субъективные признаки выделяют и другие авторы. Так, Р. Р. Галиакбаров, например, под устойчивостью в субъективном смысле понимает стойкость преступных устремлений участников группы, твердые намерения постоянно или временно заниматься преступной деятельностью, т. е. неоднократно совершать преступления (Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. С. 122—130.). Гаухман Л. Д., Максимов С. В., Жданов В. Ю. и Иващук В. К. в качестве субъективных факторов устойчивости рассматривают субъективную направленность лиц, входящих в организованную группу, на долговременное взаимодействие, охватывающую сознательное представление о других соучастниках как о постоянных партнерах по преступной деятельности; осознание ролевого распределения внутри организованной группы и стремление к его принятию (отвержению); наличие организатора или руководителя группы (Ответственность за преступления ... С. 3).

вовало либо в приготовительных действиях, либо в непосредственном совершении преступления. Констатация данного факта представляется важным обстоятельством реализации принципа личной ответственности.

Так, если хищение совершено организованной группой лиц и причинило значительный ущерб гражданину либо похищено имущество в крупном или особо крупном размере, то ответственность за него в полном объеме несет руководитель группы, если данное хищение охватывалось его умыслом, даже если он и не принимал непосредственного участия в его совершении, а также те ее члены, которые участвовали в подготовке или совершении хищения. Решая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хищение в составе организованной группы, следует исходить из общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы⁶⁴.

Устойчивость как показатель степени организованности совместности зависит от трех основных компонентов. Во-первых, от интенсивности деятельности преступной группы. Устойчивые группы — это только действующие группы, поскольку именно преступная деятельность способствует развитию взаимодействия между членами группы и служит своеобразным контролером по проверке их прочности при подготовке и совершении конкретного преступления. Во-вторых, от удовлетворения личного интереса каждого участника общественно опасного деяния. Чем в большей мере группа ориентирована на формирование личностных связей, а не только функциональных, на защиту интересов отдельных ее членов, тем более устойчива эта группа. В-третьих, от наличия своеобразной психологической защищенности каждого члена группы.

В целом же устойчивость как конструктивное свойство данной формы соучастия является подчиненным признаком по отношению к специальной цели объединения, которая проявляется в наличии определенной структуры, связанной с отношениями руководства и подчинения, длительности существования и количестве преступлений, планировании преступной деятельности, чет-

⁶⁴ Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а также п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

ком распределении обязанностей участников, использовании определенных приемов совершения преступления и т. д.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что в подавляющем большинстве случаев анализируемая форма соучастия используется для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, однако теоретически не исключается и возможность образования организованной группы для совершения преступлений иных категорий (по крайней мере, действующее уголовное законодательство на этот счет никаких ограничений не содержит)⁶⁵.

Организованная группа, как уже отмечалось, именно благодаря высокой степени совместности в целом обладает повышенной опасностью по сравнению с простым соучастием с предварительным сговором. Однако это еще не является достаточным основанием для того, чтобы действия лиц, являвшихся членами организованной группы, оценивались как юридически тождественные — соисполнение, о чем наглядно свидетельствуют тенденции применения уголовного закона.

Так, еще постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.09.1986 № 11 (ред. от 30.11.1990) «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» (п. 13.1) содержало указание о том, что необходимо разграничивать вымогательство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, и вымогательство, совершенное организованной группой. При этом в абз. 3 данного пункта Постановления действия лиц, совершивших вымогательство в составе организованной группы, независимо от роли каждого участника рекомендуется рассматривать как соисполнительство. В абзаце 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» изложены практически аналогичные рекомендации. В то же вре-

⁶⁵ М. И. Ковалев говорит о подготовке «серьезного» преступления. Это не вполне обоснованно, поскольку указания на такую категорию преступлений в ст. 15 УК РФ нет (Ковалев М. И. Указ. соч. С. 196). Однако справедливости ради следует отметить, что международно-правовое понятие организованной преступной группы содержит именно этот термин, понимая под организованной преступной группой структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., с тем чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду.

мя, в отличие от группы лиц по предварительному сговору, для признания совершения преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, в составе организованной группы, с одной стороны, не требуется соответствия признакам специального субъекта. С другой стороны, согласно с п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в организованную группу могут входить лица, не обладающие полномочиями по распоряжению, управлению или пользованию вверенным имуществом, а также по его доставке либо хранению, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений. Верховный Суд Российской Федерации указывает на то, что при наличии оснований они несут ответственность как организаторы, подстрекатели либо пособники присвоения (ч. 4 ст. 34 УК РФ). То есть исполнителями преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, они не признаются. Организаторы и руководители несут ответственность за все совершенные организованной группой преступления, если они охватывались их умыслом. Другие члены организованной группы привлекаются к ответственности за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали (ст. 35 УК РФ).

Верховный Суд Российской Федерации, предлагая таким образом оценивать действия членов организованной группы, руководствовался, видимо, исключительно желанием отразить общественную опасность такой группы и подвергать равной доле уголовно-правовой репрессии всех ее участников, рассматривая их как соисполнителей, наказание которым по сравнению с другими соучастниками, как правило, является более суровым⁶⁶. Позиция, занятая Верховным Судом, представляется не вполне обоснованной, поскольку противоречит законодательному определению соисполнительства, данному в ст. 33 УК РФ. Для того чтобы лицо было признано соисполнителем, необходимо выполнение этим лицом полностью или частично действий, которые составляют объективную сторону преступления, совершаемого в соучастии. В противном случае речь может идти только о соучастии с юридическим распределением ролей, и, соответственно, квалификация должна осуществляться со ссыл-

⁶⁶ Субъекты уголовной юстиции в таких случаях вообще не утруждают себя выделением из числа соучастников организаторов, подстрекателей и пособников и, соответственно, не дают им никакой правовой оценки.

кой на конкретную часть ст. 33 УК РФ независимо от степени согласованности действий соучастников. Что же касается назначения наказания участникам организованной группы, то здесь нельзя не отметить, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит никаких ограничений относительно зависимости вида и размера наказания от характера участия в совершении преступления.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает еще одну форму соучастия (ч. 4 ст. 35 УК РФ) — совершение преступления *преступным сообществом (преступной организацией)*. В качестве квалифицирующих признаков в составах преступлений против собственности эта форма соучастия не фигурирует. Однако в действительности достаточно большое количество посягательств на собственность совершается именно в данной форме.

Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Таким образом, в законе определены две разновидности, в которых находит свое проявление преступное сообщество (преступная организация): а) структурированная организованная группа; б) объединение организованных групп, действующих под единым руководством. При этом Уголовный кодекс Российской Федерации не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация», а употребляет их как синонимы.

Содержание основных признаков преступного сообщества (преступной организации) раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)». К основным признакам преступного сообщества (преступной организации) согласно п. 2 указанного Постановления относятся:

а) более сложная внутренняя структура⁶⁷, чем в организованной группе;

б) специальная цель совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;

в) объединение двух или более организованных групп с целью совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды⁶⁸.

В теории уголовного права дополнительно в качестве наиболее типичных признаков преступного сообщества выделяются устойчивость⁶⁹ и организованность.

В абзаце 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» содержится определение структурированной организованной группы — это группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящая из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующаяся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной

⁶⁷ Н. Ф. Кузнецова в структурированности видит один из основных признаков преступного сообщества (Кузнецова Н. Ф. Ответственность за преступные сообщества: проблемы толкования и применения новаций, внесенных ФЗ от 3 ноября 2009 г. в УК РФ // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : VI Российский конгресс уголовного права (26—27 мая 2011 года) : сб. материалов / под ред. В. С. Комиссарова. М., 2011. С. 10).

⁶⁸ Ответственность за преступления ... С. 5.

⁶⁹ Долгое время в уголовно-правовой литературе преступное сообщество (преступная организация) характеризовалось помимо этого еще и признаком устойчивости (см, напр.: Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1987. С. 126 ; Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 84 ; Курс советского уголовного права. Т. 1. С. 606 ; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 49 ; Грошев А. В. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации): вопросы криминализации и правоприменения // Уголовное право. 2004. № 3. С. 26 и др.). Однако впоследствии этот признак стал основным признаком, характеризующим организованную группу.

специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Так, принимая решение относительно квалификации действий лиц, совершивших более десяти эпизодов мошенничества в составе преступного сообщества (преступной организации), суд установил, что организационная структура преступного сообщества (преступной организации) представляла собой следующее:

1. Руководитель — Г. В. А. — создатель, руководитель и координатор всей деятельности преступного сообщества (преступной организации).

2. Структурные подразделения — группы, входившие в состав преступного сообщества (преступной организации):

первая группа в составе: Г. В. А., Г. Н. Л., К. А. А., под руководством Г. В. А.;

вторая группа в составе: Г. В. А., О. Г. В., М. Н. Б., П. Е. Ю., М. Е. Н., Ш. М. В., под руководством Г. В. А.

На основе исследованных доказательств суд правильно установил, что все участники преступного сообщества (преступной организации) действовали под единым руководством и были объединены в целях совместного совершения тяжких преступлений и получения постоянных преступных доходов от совершения мошенничеств⁷⁰.

Очевидно, что преступное сообщество (преступная организация) — наиболее опасная форма соучастия. По мнению законодателя, от организованной группы оно отличается двумя особенностями: структурированностью и направленностью на совершение тяжких и особо тяжких преступлений в специальных целях. Кроме того, объединение организованных групп в тех же целях также образует преступное сообщество (преступную организацию). На наш взгляд, подобный подход к законодательному закреплению понятия преступного сообщества является не вполне удачным. Такое положение обусловлено прежде всего тем, что признак структурированности не раскрывается в законе, точно так же, как и признак устойчивости в понятии «организованная группа». На практике эти признаки трудно разграничить. Более того, в криминологическом плане данные признаки дополняют друг друга, но не противопоставляются⁷¹. Трудно представить себе организованную преступную группу не структурированную, поскольку структурированность есть, по сути, специфическое проявление устойчивости.

⁷⁰ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2015 № 58-АПУ15-29.

⁷¹ Водько И. Перспективы борьбы с организованной преступностью // Российская юстиция. 1995. № 4. С. 22.

Как и устойчивость, структурированность является понятием социально-психологическим, используется для обозначения процессов групповой динамики. Очевидно, что структурированность свойственна в той или иной степени любой группе, в том числе и любой преступной группе, где степень связи и распределения функций соучастников может быть от минимальной до очень высокой.

Структурированность предполагает специфический характер связей, которые существуют внутри преступного образования данного вида, и особый характер взаимоотношений со средой, находящейся вне этого преступного образования.

В целом структурированность как показатель уровня совместности общественно опасного поведения может находить свое проявление в следующих основных моментах:

а) в наличии многоуровневых связей внутри преступной организации (указанные связи могут носить самый разнообразный характер);

б) в особенности управления преступной организацией, проявляющейся прежде всего в ступенчатости управления и многозвенности преступной организации;

в) в специфике финансовых взаимоотношений членов организации (наличие финансовых институтов в преступной организации);

г) в наличии собственной «социальной сферы» для оказания помощи лицам, попавшим в поле действия уголовной юстиции;

д) в наличии особой микросреды внутри организации (круговая порука, тайный характер деятельности и т. д.)⁷².

В правоприменении при оценке преступной общности по признаку «преступное сообщество» («преступная организация») суды до сих пор в качестве ориентира используют термин «сплоченная группа», несмотря на то, что законодатель отказался от его использования при конструировании уголовно-правовых норм⁷³. Сплоченный — это «дружный, единомышленный, организо-

⁷² См. подробнее: Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. М., 1997. С. 10.

⁷³ См., напр., Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2015 № 72-АПУ15-26, где, в частности, указывается, что «квалификация по ст. 210 ч. 1 УК РФ не подтвердилась в суде, поскольку обстоятельств, свидетельствующих о сплоченности и организованности группы, в суде не установлено». Московский городской суд в Апелляционном определении от 03.03.2016 по делу № 10-1813/16, напротив, поддерживая правильность квали-

ванный»⁷⁴. Под сплоченностью в социальной психологии понимается степень связи между членами группы⁷⁵, а также такая характеристика системы внутригрупповых связей, которая показывает степень совпадения оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочим, наиболее значимым для группы в целом⁷⁶. Структурированность группы представляет собой юридическую характеристику сплоченности, поэтому использование данного термина не противоречит ст.ст. 35 и 210 УК РФ.

Что касается специальной цели деятельности — совершение тяжких или особо тяжких преступлений в целях получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, то здесь необходимо отметить следующее. Прежде всего, получение материальной выгоды как цель деятельности преступного сообщества (преступной организации) раскрывается в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», где говорится, что эта выгода извлекается двумя путями.

Во-первых, прямое получение финансовой или иной материальной выгоды — это совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (например, мошенничества, совершенного организованной группой либо в особо крупном размере), в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т. п.

фикации по признакам ст. 210 УК РФ, отмечает наличие многочисленной преступной группы, отличающейся сплоченностью состава и состоящей из двух подразделений, в каждом из которых имелось по два руководителя и по 11—15 участников. В Апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2015 № 58-АПУ15-29 отмечается, что «признаки преступного сообщества, в том числе признак сплоченности, характеризующий совместность совершения преступлений, судом установлены и их проявления подробно указаны в приговоре».

Стоит отметить, что все эти решения приняты в связи с совершением преступными группами совокупности преступлений против собственности.

⁷⁴ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 754.

⁷⁵ Майерс Д. Указ. соч. С. 680.

⁷⁶ Новейший психологический словарь. С. 621.

Во-вторых, косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды — это совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, однако обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами.

Так, в ходе оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что на территории г. Москвы действует многочисленная преступная группа, отличающаяся сплоченностью состава, состоящая из двух подразделений, в каждом из которых имелось по два руководителя и по 11—15 участников. Основной состав участников ОПГ сплотился не позднее <...> года. Ранее преступная группа совершала преступления по схемам «реализации БАДов» и «выплаты компенсаций». В текущий период преступная деятельность заключалась во введении в заблуждение вкладчиков финансовой пирамиды <...>, базу данных которых они приобрели по неустановленным каналам, о намерении возвратить им ранее вложенные денежные средства. При этом на тот период организации <...> и <...> фактически прекратили свою деятельность, и потерпевшие об этом знали. Введение в заблуждение потерпевших производилось в ходе телефонных переговоров, в процессе которых участники ОПГ представлялись сотрудниками системы <...> и государственных органов, сообщали легенду о том, что на выплату компенсаций вкладчикам <...> организована очередь, выплаты осуществляются при условии взаимопомощи вкладчиков, сообщали о необходимости перевода денежных средств на имена других участников структур <...>, подконтрольных ОПГ. Денежные переводы осуществлялись через ОАО <...>, системы переводов <...>, <...> и другими путями. После осуществления первых платежей мошеннические действия в отношении потерпевших продолжались по различным легендам. В ходе телефонных разговоров участники ОПГ также представлялись сотрудниками <...>, <...>, <...>. Руководителями ОПГ осуществлялось присвоение каждому участнику порядкового идентификационного номера (ПИН), который указывался в текущих записях на бумажных носителях, необходимых для функционирования ОПГ. По выбору участников ОПГ им присваивались псевдонимы. Кроме того, они использовали телефонные номера оператора мобильной связи, по которым затруднительно проведение оперативных мероприятий. Таким образом, использовались методы конспирации. ОПГ арендовала офисные помещения. Согласно отведенным преступным ролям участники обеих подгрупп непосредственно осуществляли телефонные звонки гражданам с целью склонения их к денежным переводам. От суммы похищенного они получали от <...> до <...> процентов. В обязанности руководителей подгрупп входили непосредственный контроль за деятельностью участников ОПГ, учет похищенных денежных средств и ведение соответствующей документации для распределения похищенного, они выдавали деньги участникам ОПГ, вели базы потерпевших,

решали иные организационные вопросы. Кроме того, руководители ОПГ осуществляли оснащение офисных помещений оргтехникой и канцтоварами⁷⁷.

При этом нельзя не указать на некоторую ущербность позиции законодателя, который указал на признак «получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» как на специфический, т. е. присущий исключительно данной форме соучастия. Дело в том, что и группа лиц по предварительному сговору, а уж тем более организованная группа могут создаваться для совершения преступлений с указанными целями. Следовательно, данный признак никоим образом не может быть определяющим при их разграничении. Такое положение отрицательным образом сказывается на правоприменении, с одной стороны, неоправданно сужает возможность признания в качестве организованных групп некоторые преступные объединения, с другой стороны, влечет необоснованную оценку преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией), как преступлений, выполненных организованной группой.

Основные признаки преступного сообщества (преступной организации) определяют особенности квалификации деяний ее участников в посягательствах на собственность. Суть этих особенностей может быть сведена к следующему.

Во-первых, исходя из положений ч. 5 ст. 35 УК РФ лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию), его (ее) руководитель, а также лица, осуществляющие коллективное руководство таким сообществом (организацией), несут уголовную ответственность по ч. 1 ст. 210 УК РФ, а также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации за все совершенные другими участниками преступного сообщества (преступной организации) посягательства на собственность без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ и в том случае, когда указанные лица непосредственно не участвовали в совершении конкретных преступлений, но они охватывались их умыслом, т. е. как соисполнители конкретных преступлений⁷⁸.

⁷⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 03.03.2016 по делу № 10-1813/16 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.04.2016).

⁷⁸ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 02.10.2015 по делу № 10-11721/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 08.04.2016). В соответствии с данным судебным решением Б. Н. Г. была осуждена как соисполнитель по ч. 1 ст. 210

Во-вторых, лица, являющиеся участниками преступного сообщества (преступной организации), несут ответственность по ч. 2 ст. 210 УК РФ и как исполнители конкретных преступлений, в совершении которых они принимали участие, независимо от характера их участия.

Так, Л. В. совершил мошенничество, т. е. хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, организованной группой (42 преступления, из которых 5 — в особо крупном размере, 10 — в крупном размере, 27 — с причинением значительного ущерба гражданину). Л. В., В. Н., П. Е., Ф. И. и А. Н. совместно с установленными и неустановленными лицами вступили в состав организованной группы, являющейся структурным подразделением преступного сообщества. Действуя в составе указанной группы, они подыскивали социально незащищенных граждан (лиц престарелого возраста, в том числе одиноко проживающих, и инвалидов) на территории г. Москвы, путем обмана и злоупотребления доверием реализовывали им под видом лекарственных средств биологически активные добавки и товары медицинского назначения, выдавая их за дорогостоящие лечебные средства, а также совершили хищение денежных средств граждан, ранее приобретавших под видом лекарственных средств биологически активные добавки и товары медицинского назначения, под предлогом якобы полагающихся им государственных компенсационных выплат, под видом уплаты налоговых, страховых сборов и иных платежей и взносов. Л. В. как участнику организованной группы была отведена преступная роль, заключающаяся в приискании средств сотовой связи для осуществления телефонных переговоров с потерпевшими и введения их в заблуждение относительно состояния их здоровья, а также переговоров между соучастниками преступного сообщества. Также Л. В. непосредственно участвовал в совершении преступлений в роли сотрудника различных медицинских и других учреждений, представляясь вымышленными именами.

Действия Л. В. были квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ⁷⁹.

В-третьих, в том случае, когда участник преступного сообщества (преступной организации) совершает тяжкое или особо тяжкое преступление против собственности, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом квалифицирующего признака «организованной группой». Если статья УК РФ не содержит квалифицирующего признака «совершение преступления в составе организованной группы», действия лица помимо ч. 2 ст. 210

УК РФ, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ — 19 преступлений, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ — 22 преступления.

⁷⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24.12.2015 по делу № 10-17994 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 22.04.2016).

УК РФ подлежат уголовно-правовой оценке по соответствующей части (пункту) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение вопросов, относящихся к определению ответственности за соучастие в преступлениях против собственности, обусловлено следующими основополагающими моментами. Во-первых, границами уголовной ответственности лиц, совместно совершивших посягательство. Во-вторых, дифференцирующими возможностями уголовного закона в части регламентации ответственности таких лиц. В-третьих, неотвратимостью, необходимой степенью интенсивности и жесткости уголовного наказания в отношении каждого из соучастников преступления.

Соучастие в преступлениях, посягающих на отношения собственности, следует рассматривать как специфическую деятельность, в процессе которой каждый из ее участников своими действиями вносит определенный вклад в совершение конкретного преступления. Соответственно, каждое из таких лиц отвечает не только за свои действия, которые представляют общественную опасность в силу того, что они связаны причинно и виновно с совершением единого преступления, но и за конечный результат, к реализации которого оно совершением указанных действий (бездействием) причастно. Таким образом, при совершении преступления совместными действиями нескольких лиц каждое из них вносит определенный вклад в совершение одного и того же деяния и связано с ним совместностью деятельности, которая обусловлена своими объективными и субъективными свойствами. Поэтому все участники такого рода деяния должны нести ответственность на равных основаниях и в одинаковых пределах, определяемых характером участия в преступлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении / А. А. Арутюнов. — Москва : Статут, 2013. — 408 с.
2. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология / В. М. Бехтерев. — Петроград : Колос, 1921. — 432 с.
3. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф. Г. Бурчак. — Киев : Вища шк., 1986. — 207 с.
4. Галактионов Е. А. Соучастие и организованная преступная деятельность: теория и практика / Е. А. Галактионов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2002. — 45 с.
5. Гаухман Л. Д. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) : коммент. [к ст. 35 и 210 Уголов. кодекса Рос. Федерации 1996 г.] / Л. Д. Гаухман. — Москва : ЮрИнфоР, 1997. — 26 с.
6. Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : учеб. пособие / В. А. Григорьев. — Уфа : Уфим. высш. шк., 1995. — 75 с.
7. Гришаев П. И. Соучастие по уголовному праву / П. И. Гришаев, Г. А. Кригер. — Москва : Госюриздат, 1959. — 255 с.
8. Ермаков В. Д. Несовершеннолетние преступники в России / В. Е. Ермаков, Н. И. Крюкова. — Москва : Ин-т междунар. права и экономики им. А. С. Грибоедова, 1999. — 255 с.
9. Залужный А. С. Учение о коллективе : Методология : Детский коллектив / А. С. Залужный. — Москва ; Ленинград : Работник просвещения, 1930. — 300 с.
10. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве: онтологический аспект / Н. Г. Иванов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — 128 с.
11. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении / М. И. Ковалев. — Свердловск : [Б. и.], 1960. — Ч. 1. — 288 с.
12. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. — 362 с.
13. Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрокриминология) / Л. В. Кондратюк. — Москва : Норма, 2001. — 336 с.

14. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 648 с.
15. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов : экспериментально-психологическое исследование / А. Р. Лурия. — Москва : Наука, 1974. — 172 с.
16. Майерс Д. Социальная психология / Дэвид Майерс ; [пер. с англ.: В. Гаврилов и др.]. — Санкт-Петербург : Питер, 1997. — 684 с.
17. Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука / Б. Д. Парыгин. — 2-е изд., испр. и доп. — Ленинград : Лениздат, 1967. — 262 с.
18. Педология и воспитание : [сборник] / под. ред. А. Б. Залкинда. — Москва : Работник просвещения, 1928. — 224 с.
19. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. — Москва : Политиздат, 1982. — 255 с.
20. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. — Москва : Юрид. лит., 1961. — 666 с.
21. Попов А. Н. Убийство, совершенное преступной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2002. — 148 с.
22. Прокументов Л. М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения / Л. М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. — 280 с.
23. Тарас А. Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних / А. Е. Тарас. — Минск : Народная асвета, 1982. — 64 с.
24. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. — Москва : Юрид. лит., 1974. — 208 с.
25. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии / М. Д. Шаргородский // Правоведение. — 1960. — № 1. — С. 84—97.
26. Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью / А. В. Шеслер. — Красноярск, 1999. — 74 с.

Учебное издание

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ,
кандидат юридических наук, доцент

**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ
В СОУЧАСТИИ**

Учебное пособие

Редактор *Н. Я. Елкина*
Компьютерная верстка *Е. А. Меклиш*

Подписано в печать 24.06.2016. Формат 60х90/16.
Печ. л. 3,5. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—140).
Заказ 2255.

Редакционно-издательская лаборатория
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44